Борис ВОРОБЬЁВ
ПОД ФЛАГОМ СМЕРТИ
ПИРАТСКИЕ ХРОНИ
АУДИОКНИГА
ART DICTATION STUDIO

Борис Тимофеевич Воробьев

Под флагом смерти. Пиратские хроники

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164889
Борис Воробьёв Под флагом смерти: авторское;

Аннотация

Девять тысячелетий назад человек, спустив на воду примитивное судно, стал моряком. Пиратство – брат-близнец мореплавания, зародилось тогда же. А сестрами морского разбоя всегда были торговля и война. И эта триада на протяжении многовековой истории связана друг с другом прочнейшей связью – не менее прочной, чем молекулярные связи химического элемента…

В книгу «Под флагом смерти. Пиратские хроники» известного современного писателя, моряка и путешественника Бориса Воробьева вошли удивительные факты и захватывающие эпизоды мировой «пиратологии». История «братства весёлого Роджера» – итог многолетней исследовательской работы и кропотливых архивных изысканий – читается как захватывающий авантюрный роман.

Содержание

Предисловие 5
Глава первая 14
1 14
2 15
3 17
4 22
Глава вторая 25
1 25
2 26
3 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Борис Воробьёв
Под флагом смерти. Пиратские хроники

© Б. Воробьев

Предисловие

Люди стали плавать по морю в глубокой древности. Греческий философ Фалес сказал об этом так: «Вначале было море». Но как далеко в глубь веков уходит история мореплавания? Есть ли в нашем распоряжении какой-либо факт, который можно было бы принять за отправной момент человеческой морской истории?

На эти вопросы наиболее точный ответ дает археология, и до 70-х годов нашего века археологи утверждали, что мореплавание началось ни много ни мало как за шесть тысяч лет до нашей эры. Во всяком случае, такие данные получались при датировке археологических находок лабораторными методами. Так что цифра почти в восемь тысяч лет без всяких споров принималась всеми, когда речь заходила о начале морского судоходства.

Однако в середине 70-х годов эта цифра возросла еще на тысячу лет. Английские специалисты из университетов Бирмингема и Шеффилда, произведя атомный анализ изделий из вулканического стекла обсидиана, найденных в доисторических пещерах юго-восточной Греции, куда они в свое время доставлялись на кораблях с островов Эгейского моря, пришли к выводу, что возраст этих изделий – девять тысяч лет.

Итак, девять тысячелетий назад человек, спустив на воду примитивное судно, стал моряком. К этому его подвигнули жизненно необходимые причины, скорее всего потребность перевезти какой-нибудь груз из пункта А в пункт Б. Но вот незадача: нашлись люди, которые хотели заполучить этот груз для себя. Но получить не за плату, не путем обмена товара на товар, а путем его насильственного изъятия у владельца. Эти люди тоже строили судно и на нем пускались в погоню за «купцом» или устраивали ему засаду. Как бы там ни было, товар с одной палубы перекочевывал на другую, а его владелец (если он оставался живым) благодарил Бога за спасение.

Так зарождалось пиратство, которое было и есть братом-близнецом мореплавания. А его сестрами испокон являются торговля и война. И эта триада на протяжении тысячелетий связана друг с другом прочнейшей связью – не менее прочной, чем молекулярные связи химического элемента.

Слово «пират» произошло от греческого peirates, что означает «пробовать, пытать счастья на море». По мере развития пиратства и его дифференциации по национальному признаку появились синонимы слова. Так, голландцы называли своих пиратов флибустьерами (впоследствии этим словом стали называть всех пиратов вообще), итальянцы – корсарами, а в Вест-Индии их именовали буканьерами.

Но пиратство не только умножалось, но и специализировалось. Со времен французского короля Франциска 1 (1494–1547) появляются государственные пираты, или каперы. В отличие от флибустьеров и корсаров, которые грабили всех и вся на свой собственный страх и риск, каперы получали от своих правительств специальные свидетельства, называемые патентами, узаконивавшие грабеж. За эту «работу» каперы получали определенный процент от добычи, а остальное отдавали в казну.

Здесь, правда, нужно сделать одну оговорку: каперы посылались в море лишь во время войны и грабили только корабли противника. Во всяком случае, так предписывали законы, но их, как известно, нарушают, что каперы и делали, открывая охоту за всеми судами подряд. В этом смысле особенно показателен случай с английским капитаном Уильямом Киддом. Получив от правительства каперский патент, он под давлением обстоятельств стал заправским пиратом, за что и был повешен в мае 1701 года на «Набережной казней» в Лондоне.

Остается сказать, что каперы в Англии назывались приватирами.

Издавна ведется спор о том, где и когда зародилось пиратство. Одно время пальму первенства отдавали Средиземноморью, родине европейской цивилизации, и в этом был

свой резон. Действительно, истоки пиратства здесь настолько глубоко уходят в прошлое, что невольно напрашивался вывод, будто альма-матер морского разбоя – Средиземное море.

И этому имелись веские доказательства – древнеегипетские папирусы. Разве не впечатлит кого угодно дата – 2723 год до нашей эры? Именно в этом году вступил на престол фараон Снорфу, при котором была высечена надпись на так называемом Палермском камне. В ней рассказывалось, как из Египта посылались суда в Ливан за прославленным кедром, потребным египтянам для постройки кораблей, и как на этом маршруте египетских моряков поджидали пираты.

Караулили они и на других путях, поскольку Египет был связан торговыми отношениями не только с Ливаном, но и с Кипром и Синайским полуостровом, откуда доставлялась медная руда, и со страной Пунт, богатой золотом и благовониями.

Об опасности пиратского нападения предупреждал фараона Рамсеса III, правившего в конце II тысячелетия до нашей эры, его секретарь: «Обрати внимание на народы Севера, живущие на островах. Они неспокойны, они ищут подходы к портам».

Кто были эти народы Севера, живущие на островах? Вероятно, и критяне, и жители Кипра, и племена с островов Эгейского моря. Фараонам приходилось вести с ними тяжелую борьбу, и среди тех, кто преуспел в ней, мы встречаем имена фараонов Сенусерта III, Тутмоса III, царицы Хатшепсут.

Однако при фараоне-реформаторе Аменхотепе IV, известном под именем Эхнатона, положение изменилось в худшую сторону. Вынужденный после реформы, заменившей старого верховного бога Египта Амона на нового – Атона, вести борьбу против сильнейшей оппозиции, Эхнатон ослабил надзор за внешней политикой, чем тотчас воспользовались «мужи, промышляющие морем», то есть пираты. Если до этого они концентрировались в основном в Красном море, то теперь вышли на просторы Средиземного и укрепились в городах Тире, Сидоне и Берите, расположенных в Финикии. Главный ее город, Библ, они захватить не смогли, зато наглухо блокировали его.

Но этим дело не ограничилось. Число пиратов при Эхнатоне и его преемниках неуклонно возрастало, и скоро они взяли под контроль южные берега Малой Азии.

А остров Кипр стал своего рода пиратским государством, откуда совершались разбойные нападения на Египет.

Худую славу имеют и греческие и малоазийские пираты.

Первые создали мощный очаг морского разбоя в Эгейском море с центром на острове Самос. Тиран этого острова Поликрат, убив одного из своих братьев и изгнав другого, сделался полновластным хозяином Эгейского моря и побережья Малой Азии. Располагая флотом в сто кораблей, он в течение полутора десятилетий был главой морского разбоя в этой части Средиземноморья. Помимо прямого грабежа, Поликрат получал громадные суммы от капитанов кораблей, заходящих в его воды. Те корабли, которые отказывались платить эту дань, безжалостно уничтожались пиратами Поликрата.

Вообще Поликрат был фигурой одиозной. С одной стороны, являясь правителем Самоса, он украшал города острова роскошными зданиями и дворцами, покровительствовал наукам и искусствам, а с другой – был жестоким и алчным пиратом.

Могущество Поликрата возрастало буквально на глазах, и это не могло не тревожить его соперников. Особенно была обеспокоена Персия, флот которой постоянно ощущал на себе гнет тяжелой руки Поликрата. Поэтому персы решили избавиться от него. В 522 году до нашей эры один из персидских сатрапов обманом заманил Поликрата к себе и распял его.

Последняя и самая яркая вспышка активности средиземноморских пиратов произошла в эпоху римского владычества, когда Греция уже потеряла самостоятельность. В Малой Азии к тому времени образовалось Понтийское царство, которое вело с Римом ожесточенную борьбу за пальму первенства в регионе. Царь Понта Митридат VI Евпатор мечтал о

создании мощного государства и в своей борьбе не пренебрегал никакими средствами, в том числе и помощью пиратов.

А они к тому времени представляли грозную силу, особенно те, которые базировались в Киликии, небольшом государстве, расположенном на юго-востоке Малой Азии.

Для пиратских сообществ Киликия была землей обетованной. Ее сильно изрезанное побережье изобиловало превосходными бухтами и запутанными шхерами, где даже большая флотилия могла исчезнуть как иголка в стоге сена. А леса, покрывавшие склоны гор, давали массу материала для строительства судов.

К началу так называемых Митридатовых войн (а их было три), которые Понтийское царство вело против Рима, киликийские пираты контролировали все восточное Средиземноморье, начиная от Кипра и кончая Кикладами. На юге киликийцы распространили свое влияние до Киренаики.

Когда начались войны Рима с Митридатом, пираты Киликии встали на сторону понтийского царя, который был выдающимся человеком своего времени. Полиглот (он знал больше двадцати языков), умный и дальновидный политик, знаток медицины (в частности, той ее области, которая занимается изучением свойств змеиного яда), Митридат с самого начала благосклонно отнесся к пиратам, официально объявив их своими союзниками. Учитывая знание пиратами мореходного искусства, он назначал их предводителей командирами своего флота, в котором одних только трирем было свыше четырехсот единиц, а рядовыми пиратами укомплектовывал команды своих кораблей.

Пользуясь поддержкой понтийского царя и помогая ему, киликийцы не забывали и о своих, грабительских, интересах. Хотя в то время римляне называли Средиземное море Римским озером, его подлинными хозяевами были пираты. Они не только грабили побережья и захватывали купеческие корабли, но и оказывали сопротивление римским эскадрам, которые посылались для наведения порядка.

Именно в это время киликийские пираты разграбили богатейшие храмы на островах Самофракии и Самосе, а также напали на Делос. Остров подвергся небывалому разрушению и разграблению, все его жители, за исключением женщин и детей, которых сделали рабами, были перебиты, а сокровищницы опустошены. После этого нападения Делос так и не возродился, потеряв роль международного невольничьего рынка. Им стал город Сид, расположенный в соседней с Киликией Памфилии.

Огромные богатства, сосредоточенные в руках киликийских пиратов, позволяли им строить новые корабли для своего флота, и скоро он насчитывал свыше тысячи судов. Ни одно государство Средиземноморья того времени не располагало такими крупными морскими силами.

Видимо, это обстоятельство окончательно убедило киликийцев в том, что они всесильны, ибо, в конце концов они решаются на то, что делали в римской истории лишь галлы и Ганнибал, – подступиться к самому Риму. Для начала было захвачено несколько римских городов непосредственно в Италии, но это не очень встревожило римлян, у которых в то время была масса нерешенных дел. Но когда пираты напали на город Остию, все в Риме поняли, что дело приняло нежелательный оборот.

Остия, расположенная в непосредственной близости от Рима, была его гаванью, через которую осуществлялась торговля Рима с другими странами, а главное – подвоз зерна из заморских житниц Рима, преимущественно из Египта. Пираты, блокировавшие Остию, сразу создали чрезвычайное положение в стране. Сначала в Италии начали расти цены, а затем на горизонте во весь рост замаячила перспектива голода. Этого Рим допустить не мог, и были приняты необходимые меры.

В 67 году до нашей эры римский сенат поручил возглавить борьбу против пиратов своему полководцу Гнею Помпею, который еще раньше встречался с киликийцами у берегов

Испании и одержал над ними победу. Теперь от него потребовали искоренить пиратскую заразу на всем Средиземном море и в пятидесятимильной прибрежной полосе.

Для выполнения этой задачи Помпею отвели три года, вручив ему на это время неограниченные полномочия. Так, на всей территории Римской империи он мог потребовать для себя помощи в виде денег, людей и кораблей, а тотчас после провозглашения Помпея проконсулом в его подчинении оказалась стодвадцатитысячная армия и двести семьдесят кораблей. Для организации боевых действий Помпей получил громадную сумму – шесть тысяч талантов. Как видим, сенат вполне отдавал себе отчет в трудности того дела, которое он поручил Помпею, и потому не скупился на расходы.

Помпей был выдающимся полководцем, он проиграл всего одну битву, при Фарсале, в 48 году до нашей эры, но проиграл ее военному гению Цезаря и потому понимал, что исход кампании решат не столько материальные силы, сколько хорошо выработанный план (что, впрочем, не помешало Помпею довести численность своего флота до пятисот кораблей, из которых большую часть составляли быстроходные либурны). И такой план был разработан.

Римский полководец сознавал, что, если действовать против пиратов обычными способами, кампания может растянуться на долгие годы. Ведь киликийцы базировались во многих местах Средиземноморья, и ликвидация этих баз могла осуществиться лишь в результате нанесения одновременного удара. Этот принцип и лег в основу плана, предложенного Помпеем. Согласно ему Средиземное и Черное моря были разделены на тринадцать округов, для которых выделялась определенная часть сил армии и флота во главе с легатами. Численность выделенных войск зависела от трудности задач, поставленных перед тем или иным округом.

Для полноты картины мы приведем диспозицию Помпея полностью. Итак, места боевых действий и командиры:

1. Иберийское море и часть Атлантики от устья реки Таг – Тиберий Нерон и Манилий Торкват.

2. Балеарское и Лигустинское моря от Балеарских островов до Апеннин – Марк Помпоний.

3. Корсика и Сардиния – Поплий Атилий.

4. Сицилия и Африканское море – Плотий Вар.

5. Североафриканское побережье от Египта до Иберийского моря – Лентул Маркеллин.

6. Тирренское и Адриатическое побережья Италии – Лукий Геллий Попликола и Гней Лентул Клодиан.

7. Эпир от Коринфского залива до пролива Отранто и патрулирование моря между Сицилией и Кикладами – Теренций Варрон.

8. Берега Пелопоннеса и Македония, западное побережье Эгейского моря – Лукий (Корнелий) Сисенна.

9. Греческий архипелаг и Эгейское море со всеми островами – Лукий Лоллий.

10. Южное побережье Малой Азии, Кипр и Финикия – Метелл Непот.

11. Западное побережье Малой Азии – Кепион.

12. Черное море – Публий Писон.

13. Мраморное море – Марк Поркий Катон (под началом Писона).

Боевые действия начались в западной части Средиземного моря, откуда военная волна покатилась на восток. Корабли Плотия Вара отрезали друг от друга западных и восточных пиратов, а эскадра Теренция Варрона захватила Крит и не дала пиратам прорваться в Адриатическое море, где они могли укрыться среди шхер береговой линии.

Через сорок дней западное Средиземноморье было очищено от пиратов, что помогло снять блокаду с Апеннинского полуострова. Угроза голода отступила от Рима, и Помпей перебросил все силы западного сектора на восток, где ожидались тяжелые бои.

Видя поражение своего флота, пираты отступили в глубь своих владений и засели в крепостях, которые готовили в свое время именно на случай войны. Но отсидеться под защитой крепостных стен пиратам не удалось – против них действовала лучшая в мире римская пехота, у которой за плечами был колоссальный опыт по взятию городов. Пиратские крепости пали.

Последняя битва произошла на море неподалеку от города Коракесия. Пираты потерпели страшное поражение, потеряв тысячу семьсот кораблей. Перейдя с судов на сушу, римляне штурмом взяли Коракесий, уничтожив при этом десять тысяч пиратов. Еще больше, двадцать тысяч, попало в плен.

Вместо трех лет, отведенных Помпею сенатом, кампания закончилась за три месяца. Все пиратские базы были разрушены, верфи сожжены.

Помпей казнил лишь пиратских предводителей, которых набралось несколько сот, основная же масса киликийцев была помилована. Их поселили в равнинной части Киликии и на северо-западе Пелопоннеса.

Результат войны против пиратов был, как видим, блестящим. В течение пятнадцати лет Средиземное море и его побережья наслаждались покоем и мирной торговлей. Много бывших пиратов, осевших на земле, стали производителями сельскохозяйственных культур, однако эта идиллия была в конце концов нарушена. В разных местах Средиземноморского бассейна пиратство вновь поднимало голову. К старому ремеслу обратились иллирийцы, жившие на побережье Адриатики, вспомнили его и греки с карфагенянами. И мало-помалу пираты вновь стали той силой, с которой приходилось считаться Риму.

И вот – гримасы истории – одним из самых знаменитых предводителей новых пиратов стал Секст Помпей, второй сын того самого Помпея, который был грозой морских разбойников.

Как же могла произойти такая метаморфоза?

Карьера Секста Помпея начиналась в войсках его отца, Гнея Помпея Магна, или Великого. Это прозвание полководец получил от самого Суллы за победы, одержанные над самнитами и марианцами. После триумфальной победы над пиратами Помпей отличился в третьей Митридатовой войне, когда он в 66 году до нашей эры принял от Лукулла командование над римскими войсками. В результате Митридат был разбит, бежал в Боспорское царство и там погиб. Помпей возвращается в Италию и вместе с Марком Крассом и Гаем Юлием Цезарем образует первый триумвират. Но между триумвирами шли постоянные трения, и после гибели в 53 году до нашей эры Красса он распался. А через три года началась открытая борьба между Помпеем и Цезарем. Она велась сначала в Испании, которая находилась под управлением Помпея, потом в Греции. Там, под городом Фарсалом, и произошла в 48 году до нашей эры решающая битва между Цезарем и Помпеем. Последний был разбит и бежал в Египет, но ему даже не дали высадиться на берег – он был убит наемным убийцей прямо в лодке.

Все эти годы Помпея сопровождали в походах его сыновья – старший, Гней, и младший, Секст. После смерти отца они примкнули к его сторонникам, которые собрали большие силы в Африке. Но в 46 году до нашей эры в битве при Тапсе Цезарь разбил помпеянцев. Погибли все их лидеры, однако оба брата в это время находились в Испании. Цезарь высадился там и в 45 году до нашей эры разбил братьев. Гней погиб в бою, а Сексту удалось бежать. С этого момента и начинается его деятельность как пирата.

Вначале у Секста была лишь небольшая группа преданных ему сообщников, но вскоре к нему стали сходиться все те, кто был так или иначе ущемлен жизнью: римские дезертиры, политические изгнанники и рабы. Кстати, последним Секст Помпей обещал свободу, чем очень расположил к себе многочисленные рабские массы.

Окончив формирование своего войска, Секст на тридцати кораблях вышел в море. И тут оказалось, что он обладает незаурядными военными способностями. Он быстро оценивал ситуацию и столь же быстро принимал решения, которые обеспечивали ему постоянный успех. Обеспокоенный Цезарь послал против пиратов Секста одного из своих полководцев, но тот потерпел поражение.

Ситуация изменилась после убийства Цезаря в марте 44 года до нашей эры. К власти в Риме рвутся новые люди, среди которых выделяются Марк Антоний и девятнадцатилетний внучатый племянник Цезаря Октавиан. Антоний благоволит Сексту и проводит через сенат постановление, которое гарантирует сыну Помпея Великого в случае, если он откажется от пиратства, личную безопасность и возвращение отобранных земель.

Секст принимает предложение и в 43 году до нашей эры становится военачальником римского флота. Но политическая ситуация меняется, Римская республика обречена, и в этих условиях Секст Помпей высаживается на Сицилии, превращая ее в полупиратское морское государство. Вскоре под его власть подпадают Корсика и Сардиния, что значительно усугубляет положение Рима. Как и во времена войны с киликийскими пиратами, римляне оказываются блокированными от хлебных рынков. Начинается голод.

Обострившееся положение заставило членов второго триумвирата, Октавиана, Марка Антония и Лепида, все время деливших между собой власть, забыть о раздорах и объединиться против общего врага. Но это объединение само по себе мало что давало. У триумвиров не хватало сил, чтобы разделаться с Секстом. Много римских войск находилось в восточной части Средиземного моря, но их нельзя было перебросить к Сицилии: вставшие на ноги пираты Киликии постоянно угрожали военными нападениями. В таком положении триумвиры сочли за благо кончить дело мирным путем.

Переговоры произошли в южной Италии, возле Мисенского мыса, в 38 году до нашей эры. Тогда-то, по рассказу Плутарха, и выпал момент, когда Секст мог оказаться владыкой Рима. Это произошло в тот день, когда Секст принимал на своем корабле Октавиана и Антония. В разгар трапезы, последовавшей после официальной части, один из военачальников Секста предложил ему перерубить якорные канаты и выйти в открытое море. В случае если бы Секст согласился на это, Октавиан и Антоний становились пленниками, с которыми можно было поступить как угодно.

Но Секст не пошел па вероломство. Нанеся ответный визит триумвирам, он возвратился на Сицилию.

Мир, подписанный у Мисенского мыса, предусматривал большие льготы для Секста. Во-первых, за ним сохранялись Сицилия, Корсика и Сардиния; во-вторых, объявлялась амнистия всем соратникам Секста, а в-третьих, рабам, служившим в войсках Секста, даровалась свобода – как когда-то обещал им их предводитель. В ответ на эти привилегии триумвиры потребовали от Секста снять морскую блокаду и впредь не принимать в войско рабов.

Однако мир царил недолго. Вскоре один из наварxов Секста, Менодор, тот самый, который когда-то предложил отделаться от триумвиров, перешел на сторону римлян, передав им Сардинию. Секст возобновил военные действия, но в решающем сражении был разбит римским флотом под командованием Агриппы. Сказалось преимущество римлян в кораблях: против ста восьмидесяти кораблей Секста они выставили четыреста двадцать.

Секст бежал сначала в Мессану (современная Мессина), а потом в Малую Азию. Там он и погиб – в Милете, в 35 году до нашей эры, как полагают, в результате происков Октавиана.

И все же родина пиратства не Средиземноморье. На несколько тысячелетий (!) раньше оно уже пышным цветом цвело в морях Юго-Восточной Азии, но у исследователей слишком мало материалов, чтобы нарисовать четкую картину пиратства той поры.

Гораздо лучше обстоит дело с поздними временами, и тут мы сначала возвращаемся в Средиземное море, а из него переносимся через целый океан – Атлантический – к берегам Центральной и Южной Америки, в так называемую Вест-Индию, пиратскую эру которой принято считать классической.

И тут и там мы видим не просто случайные сообщества людей, собравшихся для того, чтобы было безопаснее убивать и грабить, но целые государства и республики, с могуществом которых считались европейские государи.

На Средиземном море такими государствами являлись Тунис, Алжир, Триполи, в Вест-Индии пиратские братства Тортуги, Ямайки и Багамских островов.

Весь XVI век прошел на Средиземноморье под знаком борьбы европейских государств против тунисских и алжирских пиратов, которых принято называть варварийскими (правильнее – «берберийские», от Берберии, как называли в то время берега Северной Африки). Возглавляемые талантливыми предводителями, они успешно противостояли коалиции в составе Испании, Франции, Венеции, Мальты, во главе которой стоял император Священной Римской империи Карл V, бывший одновременно и королем Испании, и флотом которой командовал лучший флотоводец того времени генуэзский адмирал Андреа Дориа. Лишь громадным напряжением сил коалиция нанесла пиратам поражение в решающей битве при Лепанто в октябре 1571 года. В той самой битве, где потерял руку Мигель Сервантес, будущий автор бессмертного «Дон Кихота».

Через столетие такое же упорное противостояние отмечается в бассейне Карибского моря, когда целые эскадры из стран Старого Света – испанские, английские, французские, голландские – пытались разгромить пиратские сообщества на Тортуге, Ямайке и Багамах. В конце концов, победа склонилась на сторону правительственных флотов, но для этого пришлось привлечь огромные силы и средства. И конечно же немалую роль сыграл здесь принцип: «Разделяй и властвуй», когда правительства той же Англии или Франции с помощью больших денег и предоставления высоких должностей привлекали на свою сторону крупнейших пиратских вожаков, поручая им вести борьбу против бывших товарищей.

Наибольшую известность среди этих людей приобрели англичане Генри Мейнуэринг и его тезка Генри Морган. Пословица гласит: «Нет худшего врага, чем бывший друг». И это на опыте доказали как Мейнуэринг, так и Морган. Первого приблизил к себе король Яков I и сразу же поручил ему очистить от пиратов пролив Ла-Манш, что Мейнуэринг и сделал. Впоследствии, получив высокие придворные чины, бывший пират взялся за перо и написал своего рода инструкцию по борьбе… с пиратами. Ее рукопись, названная «Об истоках, обычаях и искоренении пиратства», и по сей день хранится в Британском музее. Умер Мейнуэринг членом английского парламента.

Королем же, но только Карлом II, был обласкан и другой знаменитый флибустьер XVII века, Генри Морган. Нажив на грабежах огромное состояние, он, как и Мейнуэринг, принял предложение правительства возглавить преследование пиратов в Карибском море, которое взрастило Моргана именно как пирата. Свою задачу он выполнил блестяще и стал вице-губернатором Ямайки, куда не раз приходил после разбоев со всей своей эскадрой, чтобы продать награбленное и покутить в многочисленных тавернах Порт-Ройяла.

Но кем же были все эти люди, выбравшие своей профессией разбой на морских дорогах и убийства? К каким слоям общества принадлежали? И в чем вообще корень пиратства как явления?

Очень распространено мнение, что пираты – это сплошь и рядом деклассированный элемент. Верно, если обратиться к эпохе, когда пиратство достигло пика своего развития в бассейне Карибского моря, то есть в XVII веке. Но ведь оно имеет, как мы уже говорили, почти девятитысячелетнюю историю. Ведь уже во времена Древнего Рима и позже существовали целые пиратские государства. Неужели их население было все деклассировано?

Но такого просто не может быть, потому что не может быть никогда! Представить, что весь народ, скажем, древней Киликии или средневекового Алжира состоял из одних уголовников, невозможно. Да и не надо этого представлять, поскольку дело в другом, в том, что и в эпоху Древнего Рима, и в эпоху варварийских пиратов морской грабеж не считался преступлением в среде тех, кто грабил. Это был образ жизни и вполне законное занятие. Повторяем – лишь для киликийцев или жителей Алжира, поскольку для тех, кого они грабили, они являлись преступниками.

Но если посмотреть поглубже – разве Римская империя не являлась одним коллективным грабителем? Являлась, да еще каким! Весь древний мир был ограблен Римом, и те богатства, которые он вывез из завоеванных стран, в сотни и тысячи раз превышали добычу, полученную всеми пиратами вообще. Так что все относительно, как только мы начинаем сравнивать явления и их масштабы.

Конечно, когда речь заходит о пиратских сообществах на Тортуге или Ямайке, то здесь спорить не о чем: девяносто процентов тех, кто входил в эти сообщества, были элементами деклассированными. Вот что пишет по этому поводу такой знаток пиратской истории, как Жорж Блон: «…большинство прибывших (в Вест-Индию. – *Б.В.*) составляли авантюристы и откровенные преступники, дезертиры, спасшиеся от рекрутских наборов, неудачники, твердо положившие себе выбиться в люди, слабодушные мечтатели, готовые пойти за кем угодно, – словом, человеческое отребье».

И все же надо добавить, что среди этого мутного потока были и те, кто оказался в Вест-Индии поневоле, кого принудили к этому несовершенные законы или религиозные противоречия, – французские протестанты, католики, гонимые Англиканской церковью, младшие сыновья, которые по закону не имели прав на наследство, согнанные с земель крестьяне. Среди них было много людей, не помышлявших зарабатывать на жизнь грабежом, но что оставалось делать? На родине их ждали нищета, может быть, даже смерть от голода, преследования, результатом которых могли стать тюрьма или виселица. Выход был один – стать пиратом, то есть, следуя этимологии слова, попытаться найти счастье в море. И пытались.

Но во все времена никакие смягчающие мотивы пиратам не помогали. Еще Древний Рим выкинул лозунг: «Pirata hostis humani generis», то есть «Пират – враг человеческого рода», что в сути своей оправдано. Несть числа людям, убитым пиратами. Не поддается оценке ущерб, нанесенный человечеству тысячелетними разбоями и грабежами. А потому пираты всегда были вне закона.

И в заключение несколько слов о заслугах пиратов. Они, хотим мы этого или не хотим, имеются. И немалые.

Знаменитый пират Фрэнсис Дрейк совершил второе, после Магеллана, кругосветное путешествие и открыл пролив, разделяющий Огненную Землю и Антарктиду.

Современник Дрейка, сэр Уолтер Рэли, был фаворитом английской королевы Елизаветы I и, допущенный ею к высшим государственным должностям, внес немалый вклад в дело упрочения могущества Англии. Был организатором и участником походов по отысканию Эльдорадо, страны золота, находящейся, по мнению англичан, живших в XVI веке, где-то в Южной Америке. Писал стихи и научные трактаты, такие, как «Трактат о кораблях» и «Обзор королевского военно-морского флота и морской службы», «Прерогативы парламента» и «Правительственный совет».

Рэли тринадцать лет просидел в главной тюрьме Англии Тауэре и за это время написал основной труд своей жизни – «Историю мира», которая увидела свет еще при жизни автора. Она получила широкое признание, ею восхищались великий английский поэт Джон Мильтон и «железный канцлер» Англии Оливер Кромвель.

Но кончил Рэли трагически: обвиненный в государственной измене, он был казнен в октябре 1618 года.

Не менее известен и другой английский пират, Уильям Дампир, человек, трижды обогнувший земной шар и написавший научные труды, за которые он стал членом английского Королевского общества, то есть академиком.

Вошел в историю и французский дворянин Анри Грамон, эстет и неудержимый бретер, сгинувший в океане вместе с кораблем.

Пиратство живо и сегодня, и есть все основания говорить о том, что в последнее время оно набирает размах во всех регионах Мирового океана и может стать проблемой XXI века.

Глава первая
Легенда о Клаусе Штертебеккере

1

В этот апрельский день 1401 года магистрат Гамбурга заседал в расширенном составе – кроме основных его членов, в ратушу были приглашены известные гамбургские капитаны – Симон Утрехтский, Херман Ниекеркен и Вернер фон Юльцен.

Речь на заседании держал бургомистр Николаус Шокке, заявивший собравшимся, что сегодня им надо решить один только вопрос: какие меры следует предпринять городским властям, чтобы наконец-то избавиться от того террора, который установил в гамбургских территориальных водах всем известный пират и безбожник Клаус Штертебеккер. Город третий год ведет с ним смертельную борьбу, но все экспедиции против пирата заканчиваются поражением. Обосновавшись на Гельголанде, Штертебеккер превратил остров в настоящее разбойничье гнездо, откуда совершает дерзкие нападения на гамбургские торговые суда. Городские купцы несут колоссальные убытки, а презренный пират обогащается за чужой счет. Говорят, что мачты на его корабле выдолблены изнутри и залиты чистым золотом!

Сообщив эту подробность, Николаус Шокке обвел взглядом лица собравшихся, проверяя, какое впечатление произвели на них его слова. Реакция, которую он отметил, вполне удовлетворила бургомистра, и он закончил свое выступление страстным призывом во что бы то ни стало покончить с Клаусом Штертебеккером, подкрепив этот призыв сообщением, что магистрат выделяет для проведения операции тысячу ландскнехтов и пятнадцать кораблей. Все они оснащены еще зимой и готовы выйти в море, как только получат приказ. Впрочем, об этом лучше его расскажут присутствующие здесь доблестные капитаны.

Слово «доблестные» Николаус Шокке произнес с изрядной долей сарказма, ибо все знали, что капитаны, о которых мы упомянули в начале рассказа, были не раз биты Штертебеккером, и теперь бургомистр намеренно задевал их самолюбие.

Но моряки то ли не заметили выпада, то ли проигнорировали его. Получив слово, они говорили кратко, по-военному, а итоги подвел Херман Ниенкеркен, капитан флагманского корабля гамбуржцев, носившего несколько странное название – «Пестрая корова».

– Надо выступать в ближайшее время, – заявил Ниенкеркен, – поскольку шпионы донесли, что Штертебеккер находится на Гельголанде один, а его закадычные дружки, Михель и Вигбольд, караулят бременских купцов в устье Везера. Таким образом, у пирата в данный момент сил намного меньше, чем у города, и надо этим воспользоваться. К тому же настало время весенних туманов, когда можно незаметно подойти к острову и нанести внезапный удар…

2

Шпионы Хермана Ниенкеркена не ошибались: нынешней весной Клаус Штертебеккер действительно пришел на Гельголанд один. Не потому, что к этому вынудили какие-то преходящие обстоятельства, – просто на совместном совете с другими пиратскими главарями – Годеке Михелем и Вигбольдом – было решено изменить свою обычную тактику действовать скопом. Посчитали, что лучше будет разделиться и Михелю с Вигбольдом идти в устье Везера, а Штертебеккеру караулить гамбургские суда у Гельголанда. Именно это и побудило последнего раньше обычного покинуть свою зимнюю стоянку во Фризии и перебраться на остров.

Обосновавшись на хорошо знакомых местах, пираты исправили все недоделки на кораблях и приготовились занять заранее намеченные позиции в устье Эльбы, откуда во все стороны направлялись торговые суда гамбуржцев.

Выход из базы назначили на утро, но еще ночью с моря навалился густой туман, и, пережидая его, пиратская флотилия встала на якоря неподалеку от острова. Никто из командиров кораблей не думал, что такой погодой могут воспользоваться гамбургские капитаны – с носа корабля невозможно было разглядеть корму, а потому, проявив полную беспечность, пиратские команды легли спать, даже не выставив вахтенных. Лишь Штертебеккер не нарушил исконных морских правил-на флагмане стража бодрствовала, как и положено, всю ночь.

А между тем события набирали заданный им ход.

Неся лишь кливер на бушприте, «Пестрая корова» медленно, почти на ощупь, приближалась к пиратским кораблям. Когда продвигаться дальше стало опасно, с «Пестрой коровы» спустили шлюпку, в которую сел корабельный штурман, переодетый рыбаком. Лавируя среди пиратских судов, он отыскал корабль Штертебеккера и закрепился под его кормой. Однако бдительный вахтенный, услышав подозрительный шум, подошел к борту и перегнулся через него.

– Э-эй, парень! Какого дьявола ты здесь делаешь? – крикнул он, разглядев шлюпку, в которой почему-то горел огонь. Вахтенный подумал, что это заблудился в тумане кто-то из пиратов.

– Я здешний рыбак! – откликнулся снизу хладнокровный штурман. – В этом проклятом тумане так холодно, что я решил погреться у огня. Позволь мне немного постоять под вашей кормой – она хорошо защищает от ветра!

«Святая простота!» – воскликнул сжигаемый на костре чешский протестант Ян Гус, когда увидел, как набожная старушка подбрасывает хворост в медленно разгорающийся огонь.

Точно так же можем воскликнуть и мы, отнеся свое изумление на счет простака вахтенного. Поверив лжерыбаку, он перестал обращать на него внимание и тем самым подписал смертный приговор себе и всей команде корабля, поскольку штурман вовсе не грелся у огня, а расплавлял на нем заранее припасенный свинец. Растопив его, он залил им рулевые соединения пиратского корабля и стал ждать, когда свинец застынет и намертво заклинит руль. Удостоверившись, что все так и произошло и флагман пиратов лишился всякой маневренности, штурман отвязал канат, удерживающий шлюпку, и благополучно отбыл восвояси. Первая часть плана, задуманного гамбургскими капитанами, была выполнена, и они повели свои корабли на сближение с противником.

Застигнутые врасплох, пираты, тем не менее, не растерялись и оказали гамбуржцам яростное сопротивление.

При первых же криках Штертебеккер сорвался с рундука, на котором коротал ночь, и, схватив свой двуручный меч, выбежал на палубу. Одним взглядом оценил положение и бросился в гущу схватки, прорубая целые коридоры среди ландскнехтов.

К вящему удивлению пирата, нападавшими руководил не кто иной, как сам бургомистр Николаус Шокке, к которому и попытался пробиться Штертебеккер. Но Шокке, увидев его, быстро спрятался за спины ландскнехтов, крича оттуда, как из-за забора:

– Вот он! Хватайте проклятого пирата!

Воодушевленные этими призывами, ландскнехты кинулись было к Штертебеккеру, но тот несколькими взмахами своего страшного меча скосил одних и заставил попятиться других.

– Презренные трусы! – надрывался бургомистр. – Нападайте же, нападайте, не дайте уйти этому оборотню!

То был глас вопиющего в пустыне. Устрашенные одним только видом двухметрового Штертебеккера и его окровавленным мечом, ландскнехты не решались подступиться к нему.

Положение спасло подоспевшее подкрепление. Десяток наемников с разных сторон атаковали Штертебеккера и в конце концов, оттеснили его к мачте. Прижавшись к ней спиной, он с непостижимой быстротой вращал свой меч, укладывая на палубу всех, кто пытался противостоять ему. Он громоздил трупы на трупы, вселяя необоримый страх в самые храбрые сердца.

Пораженный нечеловеческой стойкостью пирата, Николаус Шокке лихорадочно искал выход из безнадежной, как ему уже казалось, ситуации. Сколько трудов, сколько денег потрачено для того, чтобы захватить или убить одного только человека, а он, словно смеясь над усилиями множества людей, того и гляди, опять ускользнет от расплаты! О Боже, неужели он непобедим?!

Если верить хроникам, Штертебеккер был в конце концов захвачен с помощью сетки, которую на него набросили с реи. Но о какой сетке идет речь? Нельзя же предполагать, что она имелась ради такого случая у ландскнехтов – подобных приемов военное искусство средневековья не знало. Сетка для захвата и запутывания противника использовалась лишь в Древнем Риме гладиаторами-ретиариями, да и то была оружием скорее декоративным, нежели боевым. С исчезновением гладиаторских боев исчезла и она, так что в нашем случае речь идет, вероятно, о сети – обыкновенной рыбацкой сети, какие были на пиратских кораблях и использовались по своему прямому назначению, то есть для ловли рыбы.

Наверное, вид такой сети, лежавшей на палубе, и натолкнул Николауса Шокке на мысль использовать ее против Штертебеккера. И надо сказать, задумка удалась вполне. Запутавшись в ячеях сети, пират оказался совершенно беспомощным и уже через минуту, спеленутый по рукам и ногам, лежал на палубе. Как свидетельствует та же хроника, победителем Штертебеккера был объявлен Николаус Шокке, которому в награду за это гамбургское казначейство выдало 80 серебряных марок.

Так закончилось многолетнее противостояние северогерманских городов, входивших в так называемую Ганзу, и могущественного пиратского объединения, известного в истории как братство ликеделеров. И хотя оставшиеся на свободе пираты еще долго сопротивлялись официальным властям, это сопротивление уже не имело прежнего размаха. Захват Штертебеккера, главного вдохновителя всего пиратского движения на Балтийском и Северном морях, подрубил его корни и сделал недееспособным. Осенью того же, 1401 года в устье Везера были разгромлены и взяты в плен ближайшие соратники Штертебеккера – Годеке Михель и Вигбольд, однако для полного разгрома ликеделеров понадобилось еще почти сорок лет.

3

Но что же представляло собой пиратство в северных морях средневековой Европы? Когда возникло там это зло, сравнимое по своим ужасам разве что с моровым поветрием? И кто такие были ликеделеры, чьим вождем многие годы являлся Клаус Штертебеккер?

Пиратство в Северном и Балтийском морях процветало издревле. Еще во II–III веках нашей эры германские племена фризов и саксов совершали морские походы для захвата сокровищ и рабов; позднее морской разбой стал важной статьей дохода для англов и ютов, вендов и русов. Своего пика он достиг в VIII–IX веках, когда на морскую арену вышли знаменитые викинги, или норманны. Их набеги на европейские города отличались такой жестокостью и разорительностью, что во всех городах Западной Европы церковная служба заканчивалась литанией, где были такие слова: «От неистовства норманнов упаси нас, Господи!»

Началом пиратских походов норманнов считается дата 8 июня 793 года, когда они напали на монастырь Линдисфарн, находившийся на острове у восточного побережья Шотландии. Затем нападения потянулись бесконечной чередой. Были захвачены Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова, Исландия и Фареры, а вскоре настала очередь континентальной Европы. В 841 году норманны разграбили Руан, в 843-м – Нант, в 845-м – Париж, в 854-м – Гамбург. Такая же участь постигла Орлеан и Тулузу, Кельн, Бонн и Аахен. И еще многие европейские города.

Но во времена Штертебеккера положение существенно изменилось. Норманнов давно не было и в помине, зато им на смену пришли датчане и шведы, славяне (ободриты, лютичи и поморяне) и пираты из разных немецких земель, расположенных на побережье Северного и Балтийского морей. Их грабительские походы парализовали морскую торговлю региона, и, чтобы защитить свои интересы, купечество городов стало объединяться в товарищества. Так, в начале XII века возникли фландрское и кельнское товарищества, в которых купцам было предоставлено право ношения оружия.

Однако уже через столетие выяснилось, что купеческие товарищества не в состоянии выполнять возложенные на них задачи. Пираты были многочисленны и вездесущи, и противостоять им могли лишь объединенные силы городов.

Первыми это поняли Гамбург и Любек, которые в 1241 году заключили договор об охране своей торговли. В 1299 году к ним присоединились почти все северогерманские портовые города, такие, как Росток, Висмар, Штральзунд, Кельн. Это и было началом знаменитой Ганзы – союза городов, созданного в первую очередь для борьбы с пиратами. Торговые представительства Ганзы имелись во многих городах тогдашней Европы – в Лондоне, Стокгольме, Брюгге, Венеции, Новгороде, Пскове.

Создание Ганзы было, конечно же, сильным ходом в деле организованной борьбы против пиратов, однако последние получили мощную поддержку в лице монархов многих европейских стран. Объяснялось это простым обстоятельством: пиратство было настолько прибыльной статьей дохода, что как короли, так и владетели различных маркграфств и княжеств стали покровительствовать пиратам, выдавая им патенты на разбой. Этот метод известен издавна и носит название каперства – от латинского capio, что означает «захватывать», «завладевать».

Такой вид «сотрудничества» был выгоден обеим сторонам: одни – короли и маркграфы – получали свою долю от пиратских доходов, другие, то есть сами пираты, уже не считали себя просто грабителями, но причисляли к государственным людям, которые могут рассчитывать на поддержку своего сюзерена.

Именно такое положение вещей и привело к тому, что пиратство на Северном и Балтийском морях к началу XIV века расцвело пышным цветом. Каперство стало государствен-

ной политикой, а каперов используют в своих интересах все – Англия, Дания, Франция, Швеция. И – Ганза. Говоря современным языком, на море творился самый настоящий беспредел, когда все воевали против всех.

Положение особенно обострилось в 1376 году, когда дочь датского короля Вальдемара IV, Маргарита, стала регентшей при своем малолетнем сыне Олафе. К этому времени Ганза добилась такого могущества, что имела право накладывать вето на избрание датских королей. Разумеется, Маргарита видела в этом посягательство на свои права, а поскольку она была женщиной волевой и решительной, то немедленно восстала против ганзейских привилегий. И завела практику нанимать себе на службу пиратов западной Балтики, с тем чтобы те привели в расстройство торговлю Ганзы. Пираты свое дело знали, и скоро Любек, Росток, Висмар и другие ганзейские города почувствовали на себе их тяжелую руку. Выход был один – по примеру Маргариты привлекать на свою сторону пиратов.

А тем временем сама Маргарита затеяла войну со Швецией. Боевые действия для датчан шли успешно, весной 1389 года шведский король Альбрехт был взят в плен, и войну можно было бы считать законченной, если бы не одно обстоятельство: Маргарита никак не могла взять Стокгольм, в котором, как уже говорилось, располагалось торговое представительство Ганзы. Возьми датчане город – и ганзейские купцы понесли бы немалые убытки, поэтому Ганза всеми силами препятствовала падению Стокгольма. Чтобы помочь осажденным, она обратилась к пиратам, дислоцировавшимся на острове Готланд. Главарем там был некто Свейн Стуре, резиденция которого находилась в столице Готланда – Висби.

Когда к Стуре прибыла делегация ганзейцев, он сразу согласился на их предложение и создал так называемое братство витальеров[1], сыгравшее важную роль в пиратской экспансии на Северном и Балтийском морях. Но это произойдет позже, а пока Свейну Стуре и его витальерам предстояло труднейшее дело по оказанию помощи осажденному Стокгольму. Стуре не стал вступать в открытый бой с датским флотом, а решил помочь шведскому гарнизону выдержать осаду. Для этого требовалось одно – бесперебойный подвоз продовольствия защитникам города, с чем отлично справились люди Свейна Стуре. На своих легких судах они отрывались от погони и пробирались в гавань Стокгольма.

И здесь впервые всплывает имя Клауса Штертебеккера. По мнению автора «Истории морского пиратства» Яцека Маховского, именно Штертебеккер со своей флотилией начал военные действия против датчан. Нападая на них двумя группами, пираты вызывали замешательство среди осаждавших, и пока те отражали нападение одной группы, другая тем временем проникала в стокгольмский порт и доставляла осажденным продовольствие.

Однако у другого специалиста по пиратской истории, немецкого адмирала Хайнца Нойкирхена, этот эпизод отсутствует. Нойкирхен упоминает Штертебеккера в связи с событиями более позднего времени, и он выступает у него не как витальер, а как предводитель другого пиратского братства – ликеделеров, или равнодольных. Но об этом речь впереди; мы же вернемся под стены Стокгольма.

Энергичными действиями пиратов Свейна Стуре осада с города была снята, что привело Маргариту Датскую (к этому времени она стала королевой) в сильнейшее негодование. Она решила раз и навсегда разделаться с готландскими пиратами. Но одного желания здесь было мало. Пираты, поддерживаемые Ганзой, представляли грозную силу, и Маргарита не могла справиться с ними в одиночку. Требовался союзник, и он нашелся – Тевтонский орден, который давно мечтал расширить свою экспансию на восток и для которого Готланд являлся лакомым куском.

Все это и учла Маргарита, посылая к магистру ордена Конраду фон Юнгингену своего доверенного человека. Магистр оценил предложение Маргариты, и весной 1389 года

[1] Витальеры – от шведского viktualier – продовольствие. – *Прим. авт.*

крестоносцы числом в пять тысяч человек на восьмидесяти кораблях двинулись к Готланду. Высадившись южнее Висби, они блокировали пиратскую столицу с двух сторон, намереваясь быстро захватить город. Однако все оказалось значительно сложнее. Несмотря на внезапность нападения, пираты не думали сдаваться, и на городских стенах завязались яростные схватки. Неизвестно, чем бы все кончилось, если б на помощь крестоносцам не пришли коренные жители Висби. Пираты были для них всегда чужаками, и сейчас, когда родному городу грозило разрушение, его жители приняли сторону фон Юнгингена. Воевать на два фронта пираты не могли, и Свейн Стуре вступил с рыцарями в переговоры.

Их условия были подтверждены письменно. Согласно первому пункту Готланд переходил «на вечные времена» к Тевтонскому ордену, пиратам же предоставлялась полная свобода. Опасаясь, что рыцари могут передумать и объявить всех своими пленниками, Свейн Стуре не стал медлить и, с трудом выведя свои корабли из еще не вскрывшейся ото льда бухты, покинул остров. За ним последовали две тысячи оставшихся в живых пиратов. Позже они разделились – одни решили заняться грабежом в Ботническом и Финском заливах, другие перебазировались в Северное море, конкретно – на остров Гельголанд, взяв под контроль морскую торговлю таких ганзейских городов, как Бремен и Гамбург.

Был ли Клаус Штертебеккер среди тех, кто сделал своей опорной базой Гельголанд? Разные исследователи отвечают на этот вопрос по-разному.

Если принимать за правду утверждение Яцека Маховского о том, что Штертебеккер действовал под Стокгольмом в рядах пиратов Свейна Стуре, то придется признать и его принадлежность к готландской пиратской группировке. А значит, после захвата острова крестоносцами он присоединился к той части своих подельников, которые избрали районом новых грабежей юго-восточный угол Северного моря, куда впадают реки Эльба и Везер.

Однако есть и другая точка зрения, согласно которой гельголандская группировка представляла из себя совершенно отдельное братство, известное под названием ликеделеров. Первоначально они базировались на острове Рюген, но были захвачены миграционным потоком пиратов с Готланда и оказались в Северном море.

Как бы там ни было, но традиция твердо придерживается одного мнения: предводителем ликеделеров был Клаус Штертебеккер, независимо от того, каким образом он оказался на Гельголанде.

Итак, хотя и в самых общих чертах, читатель получил представление о начале пиратства в северных морях, о его дальнейшем развитии и тесном срастании интересов с корыстными устремлениями не только торговой олигархии, но и королевских семейств. И, стало быть, самое время обратиться к именам, точнее – подробнее остановиться на тех фактах из жизни героя нашего очерка, которые дадут более или менее полное представление о личности Клауса Штертебеккера, фигуре во многом загадочной, едва ли не мистической.

Что является отправными моментами любой замечательной биографии? Безусловно – место и время рождения героя. Зная их, мы как бы локализуемся в нужной точке пространства – времени, определяя тем самым границы, за которые нет надобности выходить во весь срок биографического поиска. Применительно к нашему случаю эти условия соблюдены весьма в незначительной степени: мы знаем лишь дату смерти Клауса Штертебеккера – 20 октября 1401 года; однако нам не известны ни год его рождения, ни место, ни социальная среда, в которой он вырос, что затрудняет воссоздание подлинной биографии знаменитого пирата и дает простор для всевозможных догадок и домыслов. Это особенно заметно, когда речь заходит о месте рождения Штертебеккера и его происхождении.

Как некогда семь греческих городов спорили за право называться родиной Гомера, так и ныне не менее семи германских городов и областей претендуют на право считаться родиной Штертебеккера. Вот эти области и города:

– остров Рюген. В этом был убежден кубинский писатель Курт Бархельс. Он же утверждал, что Штертебеккер – сын батрака;

– местность неподалеку от Висмара. Такого мнения придерживался известный немецкий писатель Вилли Бредель, написавший роман «Братья витальеры». Как и Бархельс, Бредель считал, что Штертебеккер – выходец из крестьянской среды;

– одна из местностей в Мекленбурге или Померании, где жили обедневшие сельские аристократы Штертебеккеры;

– Гамбург;

– Верден;

– Ганновер;

– один из городов тогдашней Фризии.

Этот список можно было бы продолжить, но мы ограничимся тем, что есть, и заметим: из перечисленного особое предпочтение отдается Гамбургу и Вердену, тем более что верденское происхождение Штертебеккера в определенной степени подтверждается документально. Так, в «Описании обоих герцогств – Бременского и Верденского», выпущенном в 1718 году, говорится: «Михаэлис (соратник Штертебеккера Годеке Михель. – *Б.В.)* и Штертебеккер приказали выдолбить в Домской церкви (в Вердене) специальную нишу возле подпорной арки и поместить туда их герб». Существует также предание, что Штертебеккер завещал соборному капитулу Вердена так называемый «пасхальный дар», то есть некую сумму денег, из которой выплачивались пособия беднякам.

Ну а как, по мнению биографов, простой сельский парень Клаус Штертебеккер стал пиратом?

Уже упомянутый Курт Бархельс в одном из своих произведений рассказывает, что Штертебеккер, поссорившись с неким бароном, убил его. А заодно и его управляющего. За что убил? Вероятно, здесь были замешаны любовные страсти, поскольку дальше на сцене появляется девушка, служанка барона, с которой Штертебеккер уплывает на рыбацкой лодке в море. Там их подбирает корабль, которым командовал Годеке Михель – впоследствии правая рука Штертебеккера.

Вилли Бредель приводит свой вариант превращения Штертебеккера из рыбака в пирата. Однажды, рассказывает Бредель, когда рыбаки возвращались с лова сельди, команда судна, недовольная капитаном, взбунтовалась и выбрала Штертебеккера своим предводителем. После бунта возвращение домой стало невозможным, там бунтарей ожидало суровое наказание, и поэтому они решили сделаться пиратами.

Обе версии, скорее, романтичны, ибо никаких документов, подтверждающих, что они соответствуют истине, у историков нет. Зато с большой долей вероятности можно утверждать: Штертебеккер был предводителем пиратов на Балтике уже в 1394 году. Об этом есть запись в Любекской хронике 1395 года, в которой он обвиняется в нападении на ганзейские корабли. Они, эти нападения, продолжались достаточно долго – до 1399 года.

В нашем рассказе мы упомянули о двух пиратских братствах, существовавших в северных морях в одно и то же время, – витальерах и ликеделерах. Говорить подробно о первых – не наша задача. Ликеделеры же интересуют нас в прямой связи с героем очерка, поскольку Штертебеккер, по общему мнению разных исследователей, был предводителем именно этого пиратского сообщества.

Но в чем же заключалась разница между этими братствами? Прежде всего – в их классовой ориентации. Если витальеры выражали интересы городских и сельских ремесленников, то есть интересы среднего класса, то ликеделеры были выходцами из низов (что, впрочем, не помешало тому же Штертебеккеру за год до смерти жениться на дочери влиятельного фризского князя Кено тен Брока). Витальеры начертали на своих знаменах девиз всеобщего равенства и братства, в то время как ликеделеры подняли лозунг: «Друзья Бога и враги всего

мира». Под «врагами всего мира» они подразумевали богачей и знать, и это дает полное право отнести их к революционерам крайнего толка. Такими были якобинцы во времена Великой французской революции, большевики во все время своего существования.

Однако главное, чем отличались ликеделеры от всех других пиратов, – это принцип, по которому они делили захваченную добычу. И в древности, и в новое время пираты разных национальностей и вероисповеданий производили дележ согласно паям, определявшимся местом человека в корабельной иерархии. Предводитель получал больше, рядовой – меньше. Это правило было незыблемо, как теорема Пифагора или бином Ньютона, и только ликеделеры покусились на него. У них добыча делилась поровну, никому никаких привилегий не полагалось. Это был своего рода военный коммунизм, который существовал, скажем, у дружинников франкского короля Хлодвига или у воев киевского князя-язычника Святослава и который отмечался впоследствии у донских и запорожских казаков.

Такой способ дележа нашел отражение и в названии братства, ибо ликеделеры – значит «равнодольные».

Несмотря на то, что основу жизни ликеделеров составлял морской разбой, они не считали себя грабителями. По их мнению, это было перераспределение общечеловеческих богатств, которые неправедным путем захватили знатные люди во всех концах земли. И чтобы не встать с ними вровень, чтобы и в самом деле не опуститься до банального грабительства, ликеделеры выработали целый свод правил, определявших всю их жизнь. На первом месте здесь стояла поистине железная дисциплина. На кораблях запрещалось пить спиртное, играть в азартные игры. В поход никто не брал никаких денег и драгоценностей. Перед боем каждый исповедовался и причащался. Эти правила соблюдались свято, за малейшее их несоблюдение провинившемуся грозила смертная казнь.

Впечатляют и другие черты жизни и деятельности ликеделеров. Так, они оставляли восьмую часть груза тем купцам, кто при нападении не оказывал сопротивления; не разрешалось плохо обращаться с пленными; населению возвращалось то, что было отобрано в силу военной необходимости.

Можно, конечно, предполагать, что эти правила не всегда выполнялись, жизнь с ее реалиями сплошь и рядом не укладывается в писаные законы, но даже то, что ликеделеры провозгласили кодекс своей жизни, делает им честь.

История братства изобилует крутыми поворотами. Начинали ликеделеры как каперы Ганзы, но со временем превратились в ее злейших врагов. Причина тому – недооценка ганзейцами услуг ликеделеров. Так, во всяком случае, считали они сами и, вероятно, были правы. Ганза в период своего расцвета не очень-то церемонилась с союзниками, что и вынудило ликеделеров в конце концов, повернуть оружие против нее.

Как проходило это противостояние, читатель уже знает. Чаша весов склонялась то на одну, то на другую сторону, но в итоге победила Ганза, обладавшая более мощным военно-экономическим потенциалом. Правда, сопротивление ликеделеров продолжалось вплоть до 1438 года, тогда погиб их последний предводитель, Ганс Энгельбрехт, но все же основные силы братства были разгромлены еще в самом начале XV века, когда попали в плен и были казнены самые знаменитые предводители ликеделеров. В том числе и Клаус Штертебеккер.

4

С утра 20 октября 1401 года на торговую площадь Гамбурга, носившую трогательное название Кляйнер Грасброк, что значит «Маленькая зеленая поляна», начал стекаться народ. Толкаясь и обгоняя друг друга, люди старались занять места получше, то есть оказаться поближе к солдатам оцепления, окружившим площадь живым плотным кольцом, внутри которого возвышался деревянный помост. На нем, опираясь на огромный меч, дожидался своего часа палач. Его лицо скрывал черный капюшон; узкие прорези для глаз придавали зловещий смысл этой молчаливой маске: казалось, что на помосте стоит не живой человек, а некое безликое, бескровное и безъязыкое существо.

Гамбуржцам готовилось зрелище казни. В эпоху, о которой идет речь, граждан европейских городов нельзя было удивить представлениями такого рода, они происходили столь часто, что стали обычной приметой городского бытия; однако в этот октябрьский день люди, спешившие на площадь, надеялись увидеть особенно волнующий спектакль. Еще бы: ведь сегодня по приговору городского суда должен быть казнен сам Клаус Штертебеккер, безжалостный морской разбойник, кровавым преступлениям которого несть числа. Именно поэтому горожане так спешили на площадь и так старались протиснуться поближе к эшафоту.

К десяти часам площадь заполнилась; заполнены были и балконы близлежащих домов, где в ожидании зрелища расположились знатные горожане с семьями; не осталось ни одного окна, выходящего на площадь, из которого не выглядывали бы жаждущие увидеть кровавое действо.

Но самые удобные, а лучше сказать, почетные места были приготовлены распорядителем казни для отцов города – членов магистрата. Во главе с бургомистром Николаусом Шокке они восседали в креслах с высокими спинками в непосредственной близости от помоста, окруженные многочисленной стражей.

Между тем напряжение толпы возрастало. Долгое ожидание тяготило людей, которым требовалось выплеснуть эмоции, копившиеся с утра. Их уровень уже достиг критической отметки, создавая общее поле беспокойства. Наэлектризованная толпа могла в любой момент взорваться от одной неосторожной искры, и об этом лучше всего свидетельствовал глухой, смутный гул сотен голосов, висевший над площадью.

Но именно в этот момент, на самом пике беспокойства, в устье одной из улиц, ведущих к площади, показалась процессия осужденных. Их было семьдесят человек. Изнуренные шестимесячным заключением, измученные допросами и пытками, они едва передвигали ноги, однако стража, вооруженная алебардами, не спускала с них глаз.

Впереди процессии шел человек, на голову возвышавшийся над остальными, одетый, как и все осужденные, в рубище, с колодками на руках.

То был Штертебеккер. Его лицо, хранившее следы перенесенных страданий, было спокойным и отрешенным. Не замечая ни собравшейся толпы, со страхом и любопытством взиравшей на него, ни рокового помоста, он смотрел ярко-синими, не потерявшими живого блеска глазами поверх людских голов – словно видел нечто, открывшееся только ему. Он был вне охватившего площадь беспокойства.

Расступившись, оцепление пропустило процессию внутрь своего кольца, где помощники палача, быстро и сноровисто разбив осужденных на группы, приготовились к экзекуции. Но прежде нужно было соблюсти формальности и зачитать приговор. Распорядитель казни подал условленный знак, и один из судейских чиновников, развернув свиток, стал зачитывать обвинение. Оно состояло из множества пунктов и было терпеливо выслушано как магистратом, так и собравшейся толпой.

Наконец прозвучал и сам приговор: все семьдесят человек признавались государственными преступниками и присуждались к отсечению головы. И первым в списке был назван Штертебеккер.

Помощники палача приблизились к нему, чтобы возвести на помост, где уже занял свое место известный всему Гамбургу палач Розенфельд, но Штертебеккер, отстранив помощников, громко обратился к сидевшему на почетном месте бургомистру:

– Николаус Шокке! Я слышал о тебе как о добропорядочном христианине. Если это так, прояви милосердие и выполни мою последнюю просьбу. Ведь даже в Священном Писании сказано: снизойди к падшему.

– Тебе ли рассуждать о Божеских заповедях, Клаус Штертебеккер, разбойник и душегуб! Ты давно заслужил того, к чему тебя приговорил наш справедливый суд, но я сегодня в хорошем настроении, потому что граждане Гамбурга отныне не будут стращать детей твоим именем, а посему принародно обещаю исполнить твою просьбу. Объяви ее нам.

– Я не боюсь смерти, Николаус Шокке, но я вовлек в свое дело невинных людей и теперь хочу спасти хоть нескольких. Я побегу вдоль их строя после того, как мне отрубят голову, и ты, Николаус Шокке, помилуешь тех, мимо которых мне удастся пробежать!

– Ты большой шутник, Клаус! Но не знаешь меры, поэтому я со спокойной душой принимаю твое предложение. Еще никто не бегал, будучи обезглавленным!

Толпа, слышавшая этот диалог, все более наэлектризовывалась, напирала на солдат оцепления, и тем пришлось приложить немалые усилия, чтобы навести порядок.

После этого, выполняя последнюю волю осужденного, его товарищей выстроили в длинную шеренгу вдоль помоста. Словно навсегда запечатлевая их, Штертебеккер обвел шеренгу долгим взглядом и опустился на колени у ее начала, низко склонив голову. Палач сошел с помоста, достал из-за пояса узкий, остро отточенный нож и одним движением отрезал длинные волосы Штертебеккера, оголив ему шею. Теперь она была открыта для удара.

Толпа замерла, и в наступившей тишине страшно прозвучал хряск разрубаемых костей. Лишенное головы тело Штертебеккера упало вперед, но, к ужасу всех, обезглавленный тотчас вскочил и кинулся бежать вдоль шеренги. Оказавшийся на пути стражник не успел отскочить в сторону, и тело, споткнувшись о его ногу, с размаху ударилось о землю.

Гробовое молчание, царившее над площадью во все время действа, сменилось криками ужаса и женскими рыданиями. Часть людей кинулась врассыпную от места казни, другая, пав на колени, истово молилась.

Придя в себя от потрясения, палач Розенфельд вновь поднялся на помост и продолжил свою страшную работу. И, как пелось в старинной немецкой песне, «его башмаки утопали в крови…».

Очевидно, что первая и последняя главки нашего рассказа не есть простое изложение документальных фактов. Это – попытка автора оживить и озвучить наиболее драматические сцены повествования. Но если в первом случае автор рисовал картину произвольно, полагаясь лишь на собственное воображение, то в заключительном эпизоде он опирался на материал, содержащийся в средневековых хрониках. Именно там сохранился рассказ о подробностях казни Штертебеккера – его последней просьбе, его страшном в своей ирреальности поступке, когда, уже обезглавленный, он пробежал мимо одиннадцати своих товарищей и упал лишь после того, как один из помощников палача подставил ему ногу.

Конечно, рассказ хрониста – это, скорее всего, легенда, однако нельзя не согласиться с тем, что сцена казни так и просится в трагедии Шекспира. И автор в меру своих сил описал ее.

Несколько слов в заключение.

Как это нередко бывает с разбойниками, например, с нашими Кудеяром и Стенькой Разиным, Штертебеккер не исчез из памяти народа. О нем сложили песню, а в городе Гамбурге на площади, где когда-то был казнен Штертебеккер (сейчас она находится на территории порта), ему установлен памятник, автором которого является мюнхенский скульптор Н. Вагнер.

Глава вторая
Пират на папском престоле

1

В сентябре 1989 года в соборе святого Петра, что в Риме, мне довелось присутствовать на проповеди, которую читал тогдашний папа римский Иоанн Павел II.

Грандиозность собора, чей купол спроектировал великий Микеланджело, потрясала, убранство приводило в восхищение, ибо расписывали собор в разные времена выдающиеся итальянские художники, а священные сосуды, люстры и канделябры изготавливали прославленные ювелиры и златокузнецы.

Словом, фон, на котором проходила проповедь, был величествен, и на нем совершенно терялась фигура главного действующего лица этого красочного, немного театрального действа – папы. Сухощавый, несколько согбенный, он говорил тихим, бесцветным голосом, и присутствующим в соборе приходилось напрягать слух, чтобы расслышать, о чем говорил папа.

Этот человек для миллионов людей олицетворял власть Бога на земле, власть настолько могущественную, что ради обладания ею многие претенденты на папский престол шли на самые настоящие преступления, а добившись ее, пускались в прегрешения еще более тяжкие. Трудно было поверить в это, глядя на великого понтифика, которому с благоговением внимали сотни людей, но тем не менее это так. История дает нам не мало примеров, когда на святом престоле в Риме сидели люди, которым самое место было на каторге или на плахе. Достаточно вспомнить Александра VI Борджиа, «подвиги» которого описал во втором томе своей «Истории знаменитых преступлений» Александр Дюма.

Не менее страшные злодеяния совершил и другой человек, волею судьбы занявший трон святого Петра и низложенный с него на Констанцском соборе 29 мая 1415 года. Наш рассказ – об этом человеке.

2

На одном из кладбищ древней Флоренции вот уже почти шесть веков стоит часовня, возведенная над могилой человека, который при жизни был последним грешником, а после смерти удостоился чести быть отмеченным трудом великого художника, ибо часовня – творение рук гениального Донателло, одного из крупнейших представителей Возрождения.

Парадокс: великий художник увековечивает великого грешника! Но что поделаешь – такова жизнь.

На мраморной могильной плите высечена надпись:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
ПРАХ БАЛТАЗАРА КОССЫ,
БЫВШЕГО ПАПЫ ИОАННА XXIII

Если заглянуть в Список пап, то под номером 239 (включая и антипап) читаем: «Иоанн XXIII, неаполитанец, Балтазар Косса: 25.5.1410 – 29.5.1415».

Как говорится, из песни слова не выкинешь: Балтазар Косса официально назван папой Иоанном XXIII, и никаких споров, казалось бы, здесь не должно быть. Однако когда осенью 1958 года кардинал Ронкалли сменил на папском престоле умершего Пия XII, он принял имя Иоанна XXIII, объявив тем самым на весь мир, что первого Иоанна XXIII как бы не существовало, что он – миф, выдумка досужих людей.

Но у истории своя память, и сколько бы ни вычеркивали из нее папу Иоанна XXIII первого, его имя навечно принадлежит ей. И нам остается лишь проследить поистине невероятную историю возвышения Балтазара Коссы от рядового пирата, занимавшегося морским разбоем под началом своего старшего брата Гаспара, до главы римской Католической церкви, диктующего свою волю не только патриархам, кардиналам и епископам, но и могущественным западноевропейским государям.

3

По своему происхождению Балтазар Косса был аристократом, что называется, с младых ногтей – до момента его рождения сорок поколений Косса были сначала римскими патрициями, а затем – графами Беланте, владетелями обширных земель на берегу Неаполитанского залива. Но к XIV веку род Косса обеднел, а от прежних владений у него остался лишь остров Искья, на котором располагалось несколько деревень. Доход от них позволял графам Беланте едва сводить концы с концами, и это, в конце концов, надоело старшему брату Балтазара, Гаспару.

В то время Италия не была единым государством, а представляла конгломерат из карликовых княжеств, графств и герцогств, которые находились в состоянии постоянной войны между собой. Кондотьеры разного рода то и дело вступали в стычки и столкновения, и при желании можно было примкнуть к любому из них и жить за счет военной добычи.

Но Гаспару такая жизнь, когда требуется кому-то подчиняться, была не по нраву, к тому же он, островной житель, с малых лет был связан с морем, где и решил искать счастья, занявшись грабежом на местных торговых линиях, то есть пиратством. Этот род занятий во все времена приносил большие прибыли, так что через некоторое время Гаспар Косса на свои «дивиденды» смог обзавестись собственным сильным флотом. Настолько сильным, что Гаспара старались заполучить себе в союзники не только итальянские герцоги и князья, но и правители иностранных государств.

И Гаспар не гнушался такими приглашениями. Наемникам всегда хорошо платили, поэтому он в любое время был готов совершить набег либо на коммуникации противника, либо на его прибрежные селения, имущество которых, по законам войны, становилось добычей пиратов.

Именно в таком набеге и принял однажды участие тринадцатилетний Балтазар. Но таким он был только по возрасту, что же касается внешних данных, то здесь Балтазар, скорее, напоминал шестнадцати – семнадцатилетнего юношу – рослого, сильного и храброго. К тому же он был от природы хитер, и это часто выручало его как в пиратском деле, так и в последующей жизни.

Гаспар, который долго не соглашался взять младшего брата в боевой поход, увидев его в деле, уже больше не заботился о безопасности Балтазара – тот мог постоять за себя перед кем угодно. И вообще младшему Коссе нравилось его новое занятие, когда всего лишь за несколько часов он становился обладателем больших денег. А какие товары доставались пиратам, какие драгоценности!

Но, как вскоре выяснилось, больше товаров и ценностей Балтазара привлекали хорошенькие девушки, которых брали в качестве пленниц на захваченных кораблях или в разграбленных поселениях. Бесправные, как и все пленные, они ничем не могли защитить себя, и Косса брал любую, чтобы на следующий день заменить ее новой, а на третий отдать обеих друзьям, поскольку самого его уже захватила новая страсть.

Вообще надо сказать, что это свойство своей натуры Косса сохранил до самой смерти (он умер в 54 года), разделив ложе с неисчислимым количеством любовниц, среди которых были как малолетние девочки, так и зрелые матроны. Впоследствии, когда его будет судить католический собор в Констанце, этот факт станет одним из главных пунктов обвинения и последующего отлучения от власти.

Пиратская жизнь продолжалась семь лет, и Балтазар не думал расставаться с ней, но в дело вмешалась мать. После смерти мужа она стала главой рода, и когда однажды Балтазар приехал на побывку в родной дом, у него состоялась долгая беседа с матерью. Несмотря на то, что у Балтазара было три брата (все они тоже занимались пиратством), мать отдавала

предпочтение ему как самому способному и умному. И она не хотела видеть своего любимца пиратом, а желала, чтобы он стал служителем церкви. По ее мнению, только на этом поприще сын мог достичь почестей и богатства, поскольку знатность происхождения у него была.

Как известно, почитание родителей в итальянских семьях имеет давние традиции. Балтазар прислушался к мнению матери и, по ее совету, решил поступить в Болонский университет, теологи которого славились на всю Италию.

И вот Балтазар в Болонье. Лекции на теологическом факультете, диспуты, веселая студенческая жизнь. Способности Коссы скоро заметили все: и преподаватели, и студенты. Последние так просто смотрели Балтазару в рот, поскольку ему не было равных ни в чем. Он шел первым учеником на факультете, был непревзойденным фехтовальщиком и любимцем женщин. Все это вместе взятое привело к тому, что студенты выбрали Балтазара своим главарем. И он не обманул их надежд, являясь зачинщиком всех университетских авантюр и приключений.

Но посреди каких угодно забав Балтазар не забывал о главной – о рискованной встрече с какой-нибудь болонской красоткой, живущей под пристальным присмотром родственников или мужа и оттого становящейся особо желанной. Для Балтазара было сущим наслаждением проникнуть через все замки и запоры и провести ночь с очередной любовницей. Поэтому, едва лишь сгущалась темнота на улицах Болоньи, он закутывался в плащ, засовывал за пояс стилет и отправлялся искать подходы к дому, где за ставнями и решетками трепещущая Джульетта поджидала своего неустрашимого Ромео.

Одна такая встреча едва не кончилась трагически.

Однажды, когда Балтазар возвращался со свидания, на него напал наемный убийца, и только ловкость спасла нашего героя от смерти. Он отделался лишь ранением в руку и не смог поймать убийцу, который, пользуясь темнотой, скрылся в лабиринте узких улиц. Вероятно, он думал, что достаточно напугал Балтазара и тот больше не появится в запретном районе, но бывший пират поступил наоборот. Его очень занимала мысль о том, кто мог натравить на него убийцу, и он решил во что бы то ни стало узнать это. Поэтому на следующую ночь вновь отправился на свидание.

И вновь повторилось нападение, но на этот раз Балтазар был начеку. Он настиг нападавшего и в один момент скрутил его. Понадобилась всего минута, чтобы узнать имя заказчика, после чего Балтазар, дав пинка сбиру (наемному убийце), принялся обдумывать, как ему быть дальше. Оказалось, что нападение организовала бывшая любовница Балтазара, которую он бросил и которая решила ему отомстить. Но она не знала, с кем имеет дело, ибо раздумье Коссы длилось недолго, а затем он направил свои стопы по известному ему адресу.

Расправа с несчастной женщиной была жестокой. Мужа, который кинулся защищать супругу, Балтазар убил у нее на глазах, а затем раздел бывшую любовницу донага, связал ее и концом стилета начертил у нее на груди кровавую звезду. Но уйти сразу не успел: на шум и крики сбежались слуги, и только резвость ног спасла Балтазара.

Спасаясь от погони, он забежал в чей-то сад и затаился там. Преследователи пробежали мимо, а Косса, уже собравшийся покинуть свое убежище, вдруг заметил в глубине сада дом. Какое-то странное любопытство повлекло его к дверям. Они оказались открыты, Балтазар вошел в дом и в одной из комнат увидел молодую женщину необычайной красоты. В нем тотчас же вспыхнула страсть, и он неосторожным движением выдал себя.

Увидев его, покрытого кровью (Балтазар был вторично ранен сбиром, когда скручивал его), женщина, а вернее, девушка позвала служанку и велела ей промыть и перевязать незнакомцу рану. После чего скрылась в глубине дома.

Так в жизни Балтазара Коссы появилась женщина, с которой он будет связан много лет, которую будет любить и унижать одновременно и которая, в конце концов, умрет от его руки.

Женщина эта была уроженка Вероны Яндра делла Скала. Ее дед и отец занимали пост правителя этого города, но в 1381 году в семье случилась трагедия: отец Яндры был убит своим братом, который захватил власть в Вероне. Спасаясь от преследования, семнадцатилетняя Яндра бежала в Болонью, где и прожила четыре года. Таким образом, в год встречи (1385) Балтазара и Яндры ей шел двадцать второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.